

СЕВЕР КАК ФЕНОМЕН

И.А. Разумова

«Свобода» как один из ключевых определителей Севера¹

*«Трижды замкнутый» –
это Умптек в переводе.
Мы его разомкнули,
ему веселей на свободе...*

Александр Прокофьев

Концептуализации «свободы» в русской культуре, литературе, общественно-политической мысли посвящено не одно исследование, не говоря уже о философских трактатах, публицистических эссе и т.п. Совокупность смыслов, вкладываемых в это базовое для культуры понятие, справедливо считается важным социальным и этническим идентификатором². Многозначность слова «свобода» в русском языке соответствует множественность денотативных областей, или тех реалий и объектов, к которым данное понятие применимо. В настоящем случае мы еще раз обращаемся к семантике «свободы» в связи с тем, что само это слово, а также соотносимые с ним по прямым и коннотативным значениям слова и цельные высказывания устойчиво используются в текстах, характеризующих Север. Символика Севера как территории и социального пространства ассоциирована с тем особым состоянием индивида и общества, которое лучше всего описывается понятиями, включенными в расширенное семантическое поле «свободы».

По мере исторических изменений социокультурных контекстов менялась структура семантического поля «свободы» и тесно связанного с ним понятия «воля»³. В 1871 г. исследователь севернорусской эпической традиции А.Ф. Гильфердинг, выявляя причины сохранности на Севере былевой поэзии, употребил формулу, которая стала крылатой: «эти причины –

¹ Статья выполнена по материалам исследования по проекту «Современные локальные сообщества Кольского Севера на этапе трансформаций Российского общества: социокультурные факторы стабилизации», которое с 2006 г. осуществляется в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Едиториал УРПС, 2002. – С. 354–364; Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 211–256.

³ Вежбицкая А. Понимание культур... – С. 233–247.

свобода и глушь»¹. В данном значении, привычном для историков, свобода понимается как отсутствие крепостного права на территориях Севера. Следствием же этой юридической свободы, по Гильфердингу, является то, что северный крестьянин «не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях»². В современных текстах это значение слова чаще отходит на периферию, и свобода семантизируется через общие смыслы, не утрачивая, однако, и данного, конкретно-исторического.

Предметом нашего рассмотрения стали высказывания современных жителей Кольского Севера – фрагменты автобиографических интервью, участники которых проживают в городах Кировск, Апатиты, Полярные Зори, Ковдор, Снежногорск, Полярный. В интервью так или иначе характеризуются обстоятельства жизни на Севере, северные сообщества, территория, в них выражены мнения, оценки, восприятие края, самоощущения респондентов. Слово «свобода» и его производные вряд ли являются самыми частотными (по крайней мере, это еще предстоит проверить), но можно с большой долей уверенности утверждать, что, в целом, семантическое поле данного концепта, представленное синонимичными языковыми единицами, занимает одно из самых важных мест в «кольском тексте»³.

Основные смыслы «свободы» в русском языке определяются следующим образом: отсутствие ограничений и стеснений, как внешних, так и добровольно принятых на себя (свобода самореализации); способность без напряжения следовать за своими желаниями; отсутствие каких-либо ощутимых ограничений на действия человека (включая передвижения); «свобода предполагает ощущение счастья, вызываемое отсутствием какого-то давления, какого-то «сжатия», каких-то тесных, сдавливающих оков»⁴. В общем социальном смысле, объединяющем соответствующие лексические группы в разных европейских языках, свобода – это отсутствие рабства. По мнению Э. Бенвениста, понятие «свобода» формируется на основе социализированного понятия «роста» – роста определенной социальной категории людей, развития определенного коллектива»⁵. Этимологический анализ обнаруживает связь «свободы» в различных лексических вариантах с категориями «сам, свой» и «среди своих»⁶. Особенности русской семантизации свободы усматриваются в том, что она воспринимается как нечто такое, что произвольным образом дано другим лицом (властью), и имеет значения, связанные со «свободой от» чего-либо, мешающего жить, зани-

¹ Гильфердинг А.Ф. Олонеккая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. – С. 24.

² Там же.

³ Под «кольским текстом» мы понимаем совокупность репрезентаций локальной символики края, включая устойчивые сюжеты, образы, характеристики и пр.

⁴ Вежбицкая А. Понимание культур... – С. 235.

⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика... – С. 356.

⁶ Там же. – С. 364.

мающего пространство и т.п. Свобода включает пространственные коннотации: значения широты и простора, усиленные в понятии «воля», кроме того, свободный – это пустой, незанятый. Указывает она и на способ осуществления действия – легкость, непринужденность, простоту¹. Этимологически русское «свобода» связано с категорией «своего» (в том числе «своей воли»), отношениями свойства (включающими значение особой приязни), а также со свободным поселением («слободой»)².

Сразу заметим, что изо всего спектра значений свободы в «кольском тексте» не представлено, пожалуй, одно: временное, связанное с досугом (свободное время). Север – место, где трудятся, или, как кратко сформулировала одна из информантов: «Здесь если не работать, то делать нечего» (Ж, 1953 г.р.)³. Все остальные многообразные смыслы свободы легко прочитываются, прежде всего, в биографических текстах. Эти же материалы демонстрируют диалектические противоречия, заложенные в самом концепте, связанные с многозначностью понятия⁴ и с характером осмысления реалий и атрибутов, включенных в его денотативную сферу.

Противоречие состоит уже в том, что некогда «свободный», «вольный» – и в пространственном, и в социальном отношении – Север заселялся в XX в. несвободными людьми, заключенными и спецпоселенцами: «Я родилась, мама еще не свободная была. Мне было десять месяцев, когда ее в правах восстановили. Чтобы выехать куда-то, надо было вообще пройти много кабинетов коридоров и кучу бумаг, и то не всегда выпускали» (Ж, 1947 г.р.).

Противоречие разрешается, как минимум, двумя способами. Во-первых, с течением времени люди, принадлежавшие к категории несвободных, постепенно наделялись правами, «освобождались». Во-вторых, место поселения репрессированных может осмысливаться как своего рода убежище. Поэтически это выразила Кировчанка А. Маршалкина: Хибины «приютили изгоев, лишенных всех прав»⁵. В значении «приют», «убежище» могут осмысливаться и людьми, приехавшими сюда добровольно, весь Кольский край, во многом благодаря своему полуостровному и «заполярному» положению, и отдельные города с неписанным статусом «провинциальных». Так бывает в случаях, когда в автобиографической ретроспективе

¹ Помимо анализа А. Вежбицкой, см. словарные определения: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – Т. 4. – С. 70; Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1884. – С. 611 и др.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – С. 582–583.

³ Мы цитируем тексты, собранные в 2005–2007 гг., с указанием пола и года рождения информанта, в случаях необходимости – места его проживания.

⁴ Николаева Т.М. Качели свободы/несвободы: трагедия или спасение? // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995. – С. 83–88.

⁵ Хибиниана. Поэтический сборник / Сост. А. Бондарев. – Апатиты, 2004. – С. 126.

переезд связан с «бегством» от житейских проблем, являясь традиционным способом их разрешения: «Вы знаете, у меня, когда личная судьба не сложилась <...> и у меня было ощущение, что я улитка, которая в скорлупку залазит, и сидит <...>. И лично в итоге я сюда забралась. И теперь, я взгляну, что мне надо посмотрю, и опять заберусь <...>. Я вот, знаете, как это в своем этом, в своем мирке, который я для себя создала, мне в нем комфортно» (Ж, 1948 г.р.). Здесь реализуется одно из значений «свободы от» чего-то, мешающего жить. Понятие комфорта, физического и психологического удобства, очень часто встречается в оценках качества жизни в небольших северных городах и социального самочувствия респондентов. Оно может быть признано семантическим коррелятом слова «свобода».

В конечном итоге, на достижение большей степени свободы нацелена любая добровольная миграция. И на Север, и с Севера едут потому, что на новом месте больше возможностей. Любой миграционный текст¹ можно проинтерпретировать с помощью рассматриваемого понятия, развернутого в сюжет. Он представляет социальный вектор миграции, потенциальный или реализованный. Рассказы мигрантов – жителей Кольского полуострова в этом отношении весьма показательны. Оппозиция свобода/рабство лексически чаще выражена в рассказах тех и о тех, кто «сбежал» на Север из колхозов: «Жила до этого в деревне, где была нищета, и люди были привязаны к деревне, не имели паспортов, ничего. И чтобы хоть как-то вырваться из этого рабства, я приехала сюда к старшему брату Кольке» (Ж, 1952 г.р.). В любом случае, переезд мотивируется «расширением возможностей», причем важны оба компонента данного понятия: значение потенциальной активности и значение пространственное. Север, таким образом, представляется пространством возможностей самого разного рода. Для многих переселенцев переезд на дальнейшее расстояние уже означал расширение мира: «Раньше я только в пригородных поездках ездила в сторону Ленинграда и больше никуда. Мой мирок такой маленький был» (Ж, 1922 г.р.). Для большинства мигрантов самый существенный мотив – достижение экономической свободы, причем, как известно, не в смысле свободы предпринимательства, а в «советских» значениях. Прежде всего, это освобождение от материальной зависимости (под которой понимается отсутствие «дефицита» финансов, продуктов, товаров) и от жилищной тесноты: «Средняя заработная плата горожан была достаточной. В общем-то, такой материальной зависимости, как сейчас, не было» (М, 1959 г.р.); «В стране дефицит, на полках магазинов нет практически ничего, а у нас вот растут свои зелень, огурцы, лук, помидорчики» (Ж, 1965 г.р.). Именно в этом контексте противопоставление свободы и несвободы реализуется через оппозицию

¹ О данном понятии см.: Razumova I. On the problems of local identity and contemporary Russian «migratory text» (with reference to the Northwestern region of Russia) // Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness / Ed. by Pekka Hakamies. Finnish Literature Society. – Helsinki, 2005. – P. 110–129.

легкости/тяжести (как качеств жизни): «Когда мы приехали сюда, нам стало легче жить, поскольку здесь и квартира была, и со снабжением продовольственным было все хорошо» (Ж, 1925 г.р.). В этом смысле свобода и легкость ассоциированы с наличием чего-либо, а несвобода и тяжесть – с отсутствием.

В историческом ракурсе жизнь на Севере может быть тематизирована как переход от свободного состояния к несвободному, или наоборот: «значит, та финансовая независимость, которая была раньше у жителей севера уже не существует, то есть нивелировалась зарплата у жителей севера и средней полосы» (М, 1959 г.р.); «В то время здесь стройка была, и можно было жить, жили, потому что работа была» (Ж, 1947 г.р.). Обратим внимание, что такие качества жизни как свободная/несвободная, легкая/тяжелая в самом частотном варианте заменяются собственно возможностью/невозможностью (жить). В пределе это формулы «жить можно», «жить нельзя». Организуя текст, общий смысл реализуется в историко-автобиографическом сюжете о расширении или сужении возможностей в результате переезда и по мере жизни на новом месте.

Возможности, предоставляемые Севером, касаются различных сфер жизнедеятельности, но чаще всего они связаны с легкостью (свободой) найти работу и реализовать себя, а также со свободой передвижений и коммуникаций: «Не каждый, наверное, житель большого города за свою жизнь смог столько сделать, сколько мы смогли сделать, увидеть в нашем городе» (М, 1959 г.р.); «Здесь плотность населения довольно низка, поэтому как бы образ края – это возможность любого пообщаться с любым» (М, 1963 г.р.); «Может быть, мы легче на подъем, чем, допустим, средний житель России. То есть некая мобильность в нас присутствует. Ну, мы сюда приехали, мы готовы отсюда уехать, когда появится возможность, каждый год мы куда-то уезжаем» (М, 1960 г.р.); «С деньгами в то время было очень хорошо, заработки были высокие, поэтому даже на выходные часто уезжали в Мурманск, в Архангельск. Даже бытовала такая шутка: “Где был?” – “Да вот, летали в Питер пиво попить на выходные”» (М, 1960 г.р.); «<...> это не такое большое количество магазинов, меньше ассортимент товаров. Но все это легко поправимо; достаточно уехать в Мурманск, и в городе каждая пятая семья имеет личный автомобиль, сеть междугородного транспорта развита» (М, 1959 г.р.).

Многие респонденты указывают также на образовательный потенциал региона или своего города: «Вот, у нас почти семьдесят процентов учеников поступают в институты» (Ж, 1948 г.р., г. Ковдор); «Достаточно сказать, что в городе, в одном из первых в Мурманской области, было введено такое понятие, как единое образовательное пространство, когда детей начинали обучать с детских садов и заканчивали в филиалах вузов, которые были здесь образованы» (М, 1959 г.р., г. Снежногорск). Нельзя не отме-

тить, что особым оптимизмом в отношении образовательных возможностей отличаются высказывания снежногорцев.

Добровольный переезд – и как идея, и как факт – представляет собой воплощение свободы личного выбора, независимо от реальных обстоятельств, в которых этот переезд осуществлялся. Реализация «своей воли» означает полную самостоятельность личности, эмансипированной даже от ближайшего родственного окружения и контроля: «Отец сюда приехал где-то в двадцатых годах, с Кубани. Говорил, что ехал за деньгами и просто так – ради интереса, ведь молодой был. А получилось вон как: остался здесь навсегда» (Ж, 1940 г.р.); «Я сюда приехала, приехала по собственному желанию, вот, и ехала сама я не знала, куда я еду» (Ж, 1949 г.р.); «Были романтики, мы ж были молодые, романтики, которые оторвались от родителей, вот» (Ж, 1949 г.р.). Свобода от брачного состояния (еще одно из общеязыковых значений «свободы») предоставляет молодежи дополнительную возможность миграции: «И мы с подружкой решили куда-нибудь поехать, пока холостые, свободные. Моя подруга часто говорила мне: “Галина, посмотри, какая у нас огромная страна! Давай поедem куда-нибудь на север”» (Ж, 1937 г.р.). То, что Север – место самостоятельной и неподконтрольной активности самого разного масштаба, подчеркивается большинством переселенцев: «Здесь не было старшего поколения. И если кто-то здесь работал, что-то делал, он делал это сам, без оглядки на чьи-то авторитеты, спокойно делал все <...>, все были молодыми, работали не под чьим-то авторитетом и делали все так, как могли это сделать» (М, 1959 г.р.); «Ну, перед тем, как вселить в этот дом, мы ходили по квартирам, клеили обои сами – для нас это было не в напряг» (Ж, 1949 г.р.).

Самостоятельность – это не только самореализация. Она соотносится со значениями «своих прав», «своей собственности», власти: «бывают такие события, что влияешь вот просто на судьбу» (Ж, 1949 г.р. – в рассказе о профессиональной самореализации). На наш взгляд, особенно важно то, что «самостоятельность» включает семантику «открытия»: «Потом, мы здесь, как вам сказать, как мы первооткрыватели этого всего и всего, и мы считали, что мы здесь вот открыватели, мы здесь хозяева, и судьба вот завода – мы чувствовали четко, только от нас зависит. И мы сами вот куюм здесь себе блага, и ко всему вот здесь относились с очень большой ответственностью» (Ж, 1949 г.р.).

Семантика открытого/закрытого, безусловно, коррелирующая со значениями свободы/несвободы, вообще чрезвычайно значима для кольского текста. С одной стороны, «первооткрыватели» и их «открытия» представляют основу современной истории Кольского полуострова. Символ края – незамерзающий (с «открытой» водой) порт. С другой стороны, полная свобода возможна только при наличии известной автономии и обозначенности границ. Поэтому столь важен в региональной истории тот факт, что отдельные участки государственной границы в Мурманской об-

ласти так и не удалось перейти врагу во время самой разрушительной из войн прошлого столетия. В соответствии с этой же диалектической логикой, свобода полнее ощущается именно в «закрытых» городах, о чем убедительно свидетельствует сравнение текстов интервью с жителями Снежногорска, Полярного, с одной стороны, и с представителями городов обычного статуса, с другой стороны. Именно жители закрытых городов утверждают, что, по крайней мере, «раньше», двери в их городских квартирах не запирались. «Закрытость» оказалась важным фактором сохранения независимости в период социальных катаклизмов: «Я говорю: “Да, вот так мы живем”. Нас не коснулись никакие перестройки, никакие разделы собственности, никто к нам не пришел – никакие там бандиты на завод. То есть мы держимся вот так вот, и попробуйте нас <...>. И даже нами-то руководит не только вопросы финансовые, а вот стремление вот работать, получать от этого удовольствие, быть ответственным за поставленную цель» (Ж, 1949 г.р., г. Полярный).

В этом семантическом контексте Кольский Север как «край земли» представляет собой не пространственное ограничение, а свободу от власти (как известно, «дальше не сошлиют»), «предел возможностей» и «открытость»: «Это связано с тем, что мы живем очень близко, действительно, к краю. К краю, наверное, возможностей человека. Дальше уже некуда. Вот оно море, вот он полюс. <...> Здесь невозможно жить одному, замкнуться в себе и жить. <...> Мы стоим на горе, всем ветрам открыты» (М, 1963 г.р., г. Снежногорск).

Показательно и то, что северное сообщество характеризуется как «открытое». Это качество ассоциировано с этническим многообразием жителей – представителей разных регионов и культур, а также с отсутствием жестких социальных иерархий: «Вот Вьюжный – это сплав. Он не что-то одно, он не медь, он не титан, он сплав, удивительно гибкий и удивительно интересный. Можно, если покопаться, в одном и том же доме найти, ну, в принципе, все что угодно из любого там уголка нашей страны. <...> Снежногорские отличаются тем, что они как бы космополиты, они не военные, они гражданские, поэтому у них каких-то жестких рамок нет» (М, 1963 г.р.); «Это был очень многонациональный город. На его улицах можно было встретить украинца, латыша, белоруса» (Ж, 1950 г.р.); «На большой земле, я вот был в Питере часто, общение жестче, сразу идет сравнение выше ты или ниже по социальному статусу. Жестко. Пан или пропал. А здесь так намного демократичнее и проще» (М, 1962 г.р.). Качеству социума соответствуют и качества личности: «Коренные северяне – это люди с открытой душой» (Ж, 1952 г.р.).

В отношении поведения людей и состояния культуры «свобода» в современном северном тексте противопоставлена «традиции»: «Жизнь в Апатитах провинциальной не казалась. Приличные гастроли, с удовольствием вспоминаются джазовые фестивали. И не провинциальное поведение

людей. Здесь как бы зарождались новые формы взаимоотношений, свободные от традиционных укладов мест с вековыми традициями» (Ж, 1946 г.р.); «Здесь большинство людей приехало, и по-своему происхождению являются несевверными людьми. Здесь более какие-то свободные нравы, меньше традиций, и это тоже влияет, как мне кажется, ведь люди приехали из различных мест, где прожило хотя бы несколько поколений. Там нравов меньше свободных, а традиций больше, вот» (М, 1967 г.р.). Судя по многочисленным высказываниям, «молодежь на севере свободнее», «люди менее закомплексованные» и т.д. (что не исключает, разумеется, и противоположных утверждений). По распространенному мнению, «южные» и «среднеполосные» люди отличаются «стереотипным мышлением» (Ж, 1983 г.р.) и тем, что он «куркули» (М, 1926 г.р.). Такие обозначения можно соотнести с понятиями, оппозиционными «свободе»: жесткость, закрытость.

Семантика свободы может быть связана и со способами физического существования человека, в частности, с активным образом жизни, который утверждается северянами, и с рядом других аспектов жизнедеятельности. Для установления всех возможных смысловых корреляций необходим детальный семантический анализ репрезентативного корпуса текстов различных типов.

Разумеется, свобода имеет и обратную сторону. Так, закрытый или просто «малый» северный город может представляться (и часто представляется) людям, особенно молодым, «тесным», сковывающим инициативу, «патриархальным» по типу отношений, а северные люди считаются не только активными, но и, напротив, «замороженными» и т.п. У северян есть осознание не только высокой степени свободы, но и серьезных зависимостей. Прежде всего, это зависимость от северного климата. Кроме того, жители малых индустриальных городов ощущают экономическую несвободу от градообразующих предприятий, статусную зависимость от областного центра и столицы. В целом многозначность свободы/несвободы особым образом реализуется в контексте взаимоотношений провинции и столицы, города и деревни и т.п., что в известной степени актуально и для северян. Изучение локальной специфики в концептуализации свободы, как и других ключевых понятий культуры, представляется поэтому интересным и перспективным.

В заключение приведем еще одно высказывание, которое можно отнести к разряду типичных. По мнению многих мигрантов, Север не оставляет одной возможности: «Уехать отсюда ну невозможно добровольно, понимаете? Не знаю, ведь сколько людей уезжало и возвращаются, потому что Север притягивает» (Ж, 1948 г.р.).